

ПЕРВЫЙ РЕЙС ДО ЭЛЬДОРАДО

ИЛЬЯ ПЕТРОВ

Илья Петров

Первый рейс до Эльдорадо

«Автор»

2026

Петров И.

Первый рейс до Эльдорадо / И. Петров — «Автор», 2026

Эльдорадо не существует, так говорит Корпорация, которой в этом городе принадлежит всё, от воздуха, которым дышат нижние ярусы, до детей, которых она забирает себе и растит под своей крышей. Маша верила ей восемнадцать лет, ровно до того дня, когда вместо права забрать брата ей вручили долг погибших родителей и велели больше не приходить. С этого дня у неё есть мечта, о которой внизу говорят только шёпотом, старый корабль на дальнем краю Солнечной системы и сорок дней до того, как брат присягнёт тем, от кого она собирается бежать. За ней следит Контроль, а рядом с ней идёт молодой контролёр, которому поручено писать о ней рапорты и который впервые в жизни не пишет того, что видел. Плана у неё нет, есть только упрямство, чужой ключ от служебной шахты и человек, которого она не оставит, даже если он сам этого не хочет. Побег начинается на самом дне города, Эльдорадо ждёт где-то наверху, а между ними стоит Корпорация.

© Петров И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Илья Петров

Первый рейс до Эльдорадо

Глава 1

Маша. Два письма

В день, когда мне исполнилось восемнадцать, я поехала наверх, к брату. Ночная кончилась в семь, и мы с Асей, напарницей по четвёртой машине, постояли у ворот, пока глаза привыкали к коридору: после бытовки с её тёплым жёлтым светом он кажется подводным, лампы в сетках, потёки на стенах, всё в серых тонах, хотя дышится там легко, об этом мы всю ночь заботились сами.

— Ты чего такая? — Ася зевнула в кулак. — Всю смену будто на пружине.

— День рождения.

— Врёшь.

— Восемнадцать.

Она оглядела меня так, точно узнала про треснувшую лопатку. Асе двадцать шесть, дома двое детей и муж, и число «восемнадцать» звучит для неё названием далёкой планеты.

— Ну, — вздохнула она. — Хоть лапши поешь. Нормальной, не из автомата.

— Сначала на рынок.

— Опять к Армену? — Зачем я хожу к нему раз в месяц, Ася за два года не спросила ни разу, и за это я ей благодарна. — Смотри, Маш. Ты сегодня взрослая. Со взрослыми Корпорация разговаривает по-другому.

Мне показалось, что она про цены.

Снизу тянул ровный гул, который стоит в секторе всегда и который перестаёшь замечать на второй неделе жизни здесь, сверху, с крыши диспетчерской, мигал маяк, а между ними висел смог, плотный, студенистый, и в нём тонули рекламные миражи: над торговыми рядами проступало из марева лицо девицы из аптеки, обещавшей вечную молодость за умеренные деньги. Тонула она по самые брови, и всякий раз казалось, что о помощи просит именно она, а не мы.

Нью-Москва — шестьсот ярусов, вкопанных в землю и накрытых куполом, и считают их сверху вниз: чем меньше номер, тем ближе к куполу, чище воздух и богаче люди. Мой сто тридцать восьмой, работа этажом ниже, а на двадцатых, под самым куполом, живут те, кто такую молодость покупает, и никого из них встречать мне не доводилось. Аптечную девицу знаю в лицо лучше, чем мать.

На рынке в семь утра пахло жареной рыбой, мокрым картоном и маслом из лапшичной, которое там меняют, похоже, раз в год, к празднику. Торговцы поднимали жестяные шторы, и визг их отдавался между бровей. Сюй-Линь выставляла лотки. Рыбой с орбитальных ферм она торгует столько, что, по слухам, стояла здесь раньше, чем построили ярус, и встречает меня всегда одинаково:

— Маша! Осётр!

— Нет у тебя осетра, Линь.

— Нет. Но ты спроси. Приятно.

Спросила, и осетра, разумеется, не нашлось.

Армен раскладывал товар. Настоящие яблоки он держит отдельно, в ящике с опилками, по одному в гнезде, и берут их, по его словам, на поминки и на свадьбы.

— Давай настоящее.

Он смерил меня взглядом, каким провожают заказ на гроб.

— Кто умер?

— Никто. День рождения у меня.

— А. — Армен подумал. — Тогда бери с бурым боком, такое слаще. Красивые у меня для дураков.

Так в секторе Ж поздравляют. Яблоко он завернул в бумагу и подал на ладони, тридцать лет щупавшей фрукты и пропахшей опилками и апельсиновой коркой, и мне подумалось, что мать, будь она жива, поздравила бы похоже: ничего не сказала бы, но выбрала то, что вкуснее. Вспомнила я о ней в то утро один раз, у этого прилавка, и забыла, потому что пора было ехать наверх.

Лапши всё-таки поела, стоя у окошка, из бумажного стакана, обжигаясь, с настоящим луком, который Лапшичник кладёт по знакомству всем, кто делает ему воздух, а остальным кладёт синтетический. Свёрток лежал рядом на подоконнике, и думалось, что Петька в пять лет яблок не видел ни разу. На станции, где мы родились, их не водилось: синтетическая каша, суп из пайка и один помидорный куст в оранжерейке, за который шла война. В корпусе, куда его увезли, есть всё, что положено. Фрукты не положены.

* * *

Корпус, где Корпорация растит детей, оставшихся без родителей, занимает четыре верхних яруса сектора, в бывшем отеле. Ей в этом городе принадлежит всё, от рудников на Сатурне до окошка Лапшичника, и она любит, чтобы её сироты жили высоко. Снизу видно.

Петьку увезли туда пятилетним. Мне шёл девятый год, меня не взяли: старших оставляют внизу, под надзором. С тех пор я видела брата раз в год, через столик с номером, и каждый раз привозила что-нибудь, что потом отбирали на выходе. Носки, книжку, однажды гайку с работы, он в четыре года любил их крутить. Куда это всё девают, я долго гадала. Где-то в корпусе стоит ящик с конфискатом, и это, наверное, самый грустный ящик в Галактике.

Лифт туда служебный, узкий, без надписей ножом на стенах и без чужих запахов, и поднимается так долго, что закладывает уши. На сорок втором кабину тряхнуло: там пересадочный узел, через который в город въезжают, и подъёмник притормаживает на сверку. Выше сорокового бывать мне не приходилось, кроме дней посещений, и воздух там другой, слишком чистый, от него першит в горле.

Зал посещений светлый, с окнами, за которыми колодец вентиляции подсвечен под дневной свет, хотя настоящего дня в Нью-Москве не бывает, и тот, кто строил корпус, решил, что сиротам полезно смотреть на ненастоящий. Столики рядами, на каждом номер, над каждым четырьмя камера с зелёной точкой, пахло новым пластиком и чем-то цветочным из распылителей. Занятых мест насчитывалось пять из сорока: за одним женщина в пальто держала за руку мальчика лет десяти, оба молчали, за другим мужчина показывал девочке что-то на планшете, и девочка вежливо кивала взрослому, которого видит раз в год. У большинства здешних ребят некому приходить, так что мы, выходит, из везучих.

Петьку привели в десять ноль три. Засекла, у машин привыкаешь засекать всё.

Узнала его не сразу, и ничего хуже за день не случилось. Год назад через зал шёл длинный мальчишка с ободранными коленками, который глядел в пол и на любой вопрос отвечал «нормально», а теперь к столику подходил почти взрослый парень, выше меня, стриженный по уставу, в выглаженной серой форме с нашивкой на рукаве, и ступал по-строевому. Там учат даже ходить.

— Здравствуй, Мария.

Марией меня называют только в бумагах.

— Привет, — выпалила я. — Садись. Ты вырос. Нет, правда, за год на голову, что они тебе дают? Садись, у нас два часа, тут такое дело... Садись.

Вот моя беда: когда страшно, я говорю, много, быстро, про что попало. При машинах это никому не мешало, они не слушают. Он слушал и ждал, пока закончу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.